

ЗАКОНЧЕН ЛИ ПУШКИНСКИЙ «РОСЛАВЛЕВ»?

Одной из форм литературной критики Пушкина является полемичность некоторых его художественных произведений по отношению к произведениям других писателей. Так, полемична в какой-то мере «Полтава», что отмечал и сам Пушкин в предисловии к первому изданию поэмы, вышедшему в 1829 году: «Некто в романтической повести изобразил Мазепу старым трусом, бледнеющим пред вооруженной женщиною, изобретающим утонченные ужасы, годные во французской мелодраме, и пр. Лучше было бы развить и объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица».¹ Пушкин имел в виду повесть Е. Аладьина «Кочубей», напечатанную в «Невском альманахе» за 1828 год (т. IV), в одном из эпизодов которой Мазепа в страхе отступает перед Марией, когда она с кинжалом в руках требует от него решения участи отца. Все это никак не могло соответствовать сущности характера лица, известного из истории. Целью своей поэмы «Полтава» Пушкин считал, конечно, прежде всего правдивое воссоздание эпохи и характеров, в том числе «мятежного гетмана»: «Мазепа действует в моей поэме точь-в-точь, как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер» (VII, 191). Вместе с тем своей поэмой Пушкин хотел показать и то, что значит не допустить «своеволия» в изображении исторических лиц.

Однако в том случае, когда дается подчеркнутое иное сравнительно с другими писателями изображение реальных исторических лиц, можно говорить лишь об известной степени полемичности произведений. Это не столько полемика, сколько выражение автором его собственного отношения к тому, что имело место в действительности. Так, многочисленные произведения о Петре I в русской литературе XVIII и XIX веков нельзя рассматривать в качестве полемичных по отношению друг к другу: каждое из них прежде всего утверждение автором его собственного отношения к деятельности Петра. Такова же и пушкинская «Полтава». Совсем иное дело, когда писатель берется за изображение героев произведения другого автора, лиц не реальных, а вымышленных. Когда писатель обращается к воспроизведению подобного рода героев, художественное произведение является уже действительно полемичным. Таким именно был написанный Пушкиным в 1831 году «Рославлев», явившийся ответом на вышедший в том же году роман Загоскина «Рославлев, или русские в 1812 году».

Взяв в качестве темы своего романа изображение Отечественной войны 1812 года, Загоскин дал освещение событий в романтическом плане, очень далеком от реальной действительности. Роман был насыщен всевозможными эффектами. Так выглядит, например, сцена возвращения раненного Рославлева домой (часть II, глава 5). Спешащий к Полине Рославлев, проезжая ночью в грозу мимо кладбища, видит освещенную церковь, входит в нее: перед ним обряд венчания его невесты Полины, изменившей данному ему слову и выходящей замуж за пленного французского офицера. Читатель удивлен всем этим не меньше, чем пораженный, падающий без чувств Рославлев. Эффекты подобного рода были характерны для стиля автора, мало заботившегося о том, могла или не могла подобная ситуация быть в действительности, не говоря уже о том, сколь она типична.

Прочитав роман Загоскина, Пушкин почувствовал фальшь изображаемого. Из переписки его с Вяземским видно, сколь нелестного мнения был он об этом произведении. В письме от 24 августа 1831 года Вяземский так оценивал роман: «В Загоскине точно есть дарование, но за то как он и глуп, уж это, воля Ваша, не Василью Львовичу чета. Тот, во-первых, имел ум не писать прозою, и это уже важный перевес. Не правда ли, что в Рославлеве нет истины ни в одной мысли, ни в одном чувстве, ни в одном положении?»² В ответ на это Пушкин писал Вяземскому 3 сентября: «То, что ты говоришь о Рославлеве, сущая правда; мне смешно читать рецензии наших журналов, кто начинает с Гомера, кто с Моисея, кто с Вальтер-Скотта; пишут книги о романе, которого ты оценил в трех строчках совершенно полно, но к которым можно прибавить еще три строчки: что положения, хотя и натянутые, занимательны; что разговоры, хотя и ложные, живы, и что все

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. IV, Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 519. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

² Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIV, Изд. АН СССР, 1941, стр. 214.

можно прочесть с удовольствием».³ Несколько смягчая резкость суждения Вяземского, Пушкин этим два раза повторенным «хотя» дал, однако, роману не менее осуждающую оценку. Ответ Вяземскому Пушкин писал тогда, когда уже пачал своего «Рославлева», решив выступить с критикой романа, но выступить не со статьей, а с художественным произведением, в котором содержалась бы иная трактовка поведения героев Загоскина. Пушкину казалась неестественной роль, которую играет в романе Полина. В своем плане именно это он прежде всего и отметил: «Москва тому 20 лет [Москва в 1811 году] — [Полина г-на] Загоскина. Ее семейство — ее характер...»⁴ Пушкин хотел дать свое собственное изображение Полины. На страницах его произведения возникает пленительный в неколебимой стойкости и «смелости души» образ героини. Она целиком поглощена происходящим в стране. Она вместе с борющимися пародом, бесконечно гордится им, говоря о том, что «никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу» (VI, 213).

В романе Загоскина особенно тягостное впечатление оставляет сцена, когда в Москве, занятой французами, Рославлев видит в окне Полину рядом с Сеникуром; в то время, когда страна охвачена борьбой со страшным бедствием, ей нет дела до этого. В конце романа Загоскин показывает Полину кающейся, что тем не менее не искупает ее вины.

Как бы отвечая на все это, Пушкин рисует такой эпизод: «„Москва взята“, — сказала она мне, не отвечая на поклон Сеникура; сердце мое ждалось, слезы потекли ручьем. Сеникур молчал, потупил глаза. „Благородные, просвещенные французы, — продолжала она голосом, дрожащим от негодования, — ознаменовали свое торжество достойным образом. Они зажгли Москву!“» (VI, 212—213). В словах Полины — презрение, негодование, гордость; она не отвечает на поклон Сеникура. Не отвечает потому, что французы зажгли Москву, — такова логика этого образа у Пушкина.

В предисловии к своему произведению Загоскин считал необходимым подчеркнуть достоверность рассказанного им: «Интрига моего романа основана на истинном происшествии — теперь оно забыто; но я помню еще время, когда оно было предметом общих разговоров и когда проклятия оскорбленных россиян гремели над главою несчастной, которую я назвал Полиною в моем романе».⁵ В подлинном художественном произведении вымысел не может быть произвольным: он подчинен логике развития характеров, пониманию закономерностей движения жизни общества. Но, с другой стороны, и реальный случай, взятый из жизни, может оставить впечатление выдумки, если не выражает собой общего; в таком случае «обманувший бывает правдивее необманувшего», как гласит старая истина.

Нужно было быть столь толпким и пропикловеным художником, как Пушкин, чтобы для «реабилитации» героини найти такую жанровую форму произведения, которая бы в наибольшей мере могла создать иллюзию достоверности — форму «записок дамы», близко знавшей Полину и решившей выступить с этими мемуарами в качестве «защитницы тени». В черновом варианте цель автора записок была обозначена еще более определенно: «Истина и дружба, равно оскорбленные нападением жестоким и равнодушным, припуждают меня сойти на чуждое мне попрание».⁶ Именно в такой своеобразной форме Пушкин и выступил с полемикой. При этом он все время старается напомнить читателю, что речь идет о героях романа Загоскина, делая это с большим тактом художника. В начале произведения Пушкин замечает в скобках о своей героине: «... г. Загоскин назвал ее Полиною, оставлю ей это имя» (VI, 199). Нетрудно уловить и подтекст этого замечания: хотя героиня названа именем, данным другим автором, суть дела не в имени, а в самом типе человека. В конце повести автор опять делает аналогичное замечание: «... назыву же и его именем, данным ему г-м Загоскиным» (VI, 210) (в другом варианте: «сохраню и ему имя»)⁷. Сначала в рукописи имя героя названо было сразу же после упоминания о появлении французских офицеров.⁸ В более поздней редакции, которая из-за отсутствия белового автографа является для нас и последней, имя героя названо после того, как можно уже было составить какое-то представление о нем. И тут-то как раз автор делает в скобках свое замечание, чтобы читатель знал, что это уже знакомый ему по роману Загоскина Сеникур.⁹

³ Там же, стр. 220—221.

⁴ Там же, т. VIII₂, стр. 752.

⁵ М. Н. Загоскин. Рославлев, или русские в 1812 году. Изд. «Правда», М., 1959, стр. 12.

⁶ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VIII₂, стр. 731.

⁷ Там же, стр. 736.

⁸ См. там же.

⁹ Б. В. Томашевский в своем комментарии к «Рославлеву» замечает, что поскольку Пушкин ссылается на Загоскина, следует сохранить и форму написания этого имени такой, как она дана у Загоскина (Сеникур) (см.: VI, 768). Замечание это представляется справедливым.

Можно предположить, что и названо было Пушкиным его произведение «Рославлев» потому, что таково название Загоскина. Правда, название это в рукописи вписано карандашом: возможно, сделано это позднее, возможно и то, что оно не было окончательным для Пушкина. Тем не менее оно было определено (записано оно на отдельном листе, который был обложкой части рукописи, напечатанной в «Современнике» под заглавием «Отрывок из неизданных записок дамы»). Можно думать, что если бы не полемическая цель произведения, Пушкин вряд ли бы так его назвал. Как полемическое, направленное против романа Загоскина это произведение и было воспринято современниками. Вот что читаем мы в воспоминаниях Нащокина: «Рославлев, как говорил сам Пушкин, был написан для того, что Пушкину не понравился характер Полины в романе Загоскина: она казалась ему слишком опошленною; ему хотелось представить, как он изобразил бы ее. Весь рассказ вымышлен».¹⁰

Несмотря на полемический характер некоторых других произведений Пушкина, «Рославлев» занимает особое место в его творчестве. Литературный критик был отделен в Пушкине от писателя, и потому он смог выступить с опровержением и критикой искажающего правду жизни романа Загоскина в форме не критической статьи, а художественного произведения. Но цели, которые ставил Пушкин, шли дальше полемики с одним автором. Цель была не только в том, чтобы показать, какой не могла быть русская женщина, и в противовес этому нарисовать характер прекрасной женщины-патриотки. Пушкин хотел дать свое собственное изображение героического народного характера, но сделать это в форме «записок дамы», что могло бы придать произведению стиль «домашности», который писатель высоко ценил как художественную форму исторического повествования.

Начав писать «Рославлева» летом 1834 года, вскоре после того, как вышел в свет роман Загоскина, Пушкин несколько раз оставлял работу. После части, которая закачивалась словами «Наполеон был такая бестия, а М^{де} Staël куда была тонка», есть дата: «22 июня». В 1836 году в «Современнике» Пушкиным был напечатан «Отрывок из неизданных записок дамы». Остальная часть рукописи, сохранившаяся только в черновом виде, была опубликована уже после гибели поэта в одиннадцатом томе сочинений Пушкина 1841 года, далее, в 1855 году, П. В. Анненковым. В 1910 году С. А. Венгеров обратил внимание на пропуск в опубликованном тексте такой детали, которая по-новому освещала облик Полины. На основе вновь восстановленного текста Венгеров написал статью «Русская Шарлотта Корде», в которой убедительно показал гражданский характер пушкинской героини: «Какая тонкость чувствования, какой анализ, какое смелое и оригинальное мышление у этого Чацкого в юбке».¹¹ Впрочем, патриотизм Полины отмечался всеми писавшими о «Рославлеве», хотя иногда при этом проводились довольно неожиданные параллели: «Полипа — одна из первых пионерок русского женского движения, старшая сестра декабристок, мать тургеневской Елены»;¹² «она считала Наполеона тираном и мечтала „пробраться во французский лагерь, добраться до Наполеона и там убить его из своих рук“, являясь, таким образом, прообразом Пьера Безухова из „Войны и мира“».¹³

К настоящему времени можно считать изученным текст произведения, но вызывает в основном возражений и интерпретация его идейного содержания, однако весьма спорно, на наш взгляд, мнение о его незаконченности. В библиографических справочниках «Рославлев» упоминается в разделах «незавершенные работы». Большая часть исследователей видит в «Рославлеве» «начало романа»,¹⁴ «только введение, вступление к роману»,¹⁵ и лишь немногие считают это произведение более или менее близким к завершению. Так, А. В. Чичерин относит «Рославлева» к числу «хотя и не совсем законченных, но определенно законченных произведений».¹⁶ Между тем убеждение в незаконченности «Рославлева» может быть поколеблено, если исходить не только из анализа рукописи (что, бесспорно, необходимо), но и из содержания произведения.

¹⁰ См.: Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851—1860 годах. 1925, стр. 39.

¹¹ Пушкин, т. IV, «Библиотека великих писателей», СПб., 1910, стр. 558.

¹² Н. О. Лернер. Проза Пушкина. В кн.: История русской литературы XIX века под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, т. I, М., 1916, стр. 395.

¹³ Н. Л. Бродский. А. С. Пушкин. Гослитиздат, М., 1937, стр. 727.

¹⁴ Н. Л. Степанов. Проза Пушкина. «Ученые записки Московского государственного педагогического института», 1954, т. LXX, вып. 4, стр. 51.

¹⁵ С. М. Петров. Исторический роман А. С. Пушкина. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 94.

¹⁶ А. В. Чичерин. Пушкинские замыслы прозаического романа. «Ученые записки Львовского государственного университета», 1953, т. XXIV, вып. 2, стр. 99. См. также: А. В. Чичерин. Возникновение романа-эпопеи. «Советский писатель», М., 1958, стр. 107.

Спорность вопроса становится особенно очевидной, если обратиться к предположениям исследователей о возможных вариантах окончания произведения. Так, С. М. Петров в работе «Исторический роман А. С. Пушкина» пишет: «Судить о перипетиях сюжета, о последующих событиях и судьбе героев трудно. Едва ли могут здесь помочь и параллели с содержанием романа Загоскина. Бесспорно, однако, что „историческое происшествие“ в романе должно было захватить изгнание Наполеона из России, а „романическое“, естественно и органично входя в раму исторических событий, — показать дальнейшие отношения, очевидно любовь Полины и Синекура, и окончиться трагической гибелью героини».¹⁷ Не лишенным основания кажется предположение о том, что произведение должно было закончиться показом изгнания Наполеона. Однако художественное творчество подчиняется своим особым законам. Говоря о завершенности художественного произведения, мы должны учитывать прежде всего степень жизненной мотивированности того или иного изображения судьбы героев. С этой точки зрения трудно представить, чтобы широкое эпическое изображение событий 1812 года было дано в той же форме «записок дамы»: сохранения психологическую мотивированность жанра мемуаров, такого изображения Пушкин дать не мог. Трудно себе представить также, чтобы автор записок продолжила бы свой рассказ о Полине: на все волновавшие ее вопросы, связанные главным образом с Полиной, она дала исчерпывающий ответ. Она защитила «тьень», показав в истинном свете поведение своей подруги и его мотивы. Не случайно повествование обрывается в тот момент, когда Полина сообщает подруге о гибели Рославлева: обрывается не тогда, когда сама Полина узнает об этой гибели, а когда узнает об этом сестра Рославлева: «Я вскрикнула и упала без чувств в ее объятия...» (VI, 213). Гибель Рославлева как бы снимает с автора записок обязанность рассказывать о дальнейшей судьбе Полины.¹⁸

В романе Загоскина известие о гибели Рославлева оказывается недостоверным. Это дает возможность автору романтически эффектно повернуть развитие сюжета: показать новую встречу Рославлева с Полиной. Нам кажется, что Пушкин должен был показать не мнимую, а действительную гибель Рославлева, чтобы остаться верным правде жизни. Если предположить даже, что Пушкин продолжил бы свое произведение, то и в таком случае герой его должен был бы погибнуть (как погиб поставленный в аналогичные условия герой повести «Метель»). Если же допустить, что в соответствии с развитием сюжета в романе Загоскина Рославлев не гибнет, какой мелодраматический характер должны были бы в таком случае приобрести слова Полины, обращенные к ее подруге: «Ты не знаешь? — сказала мне Полина с видом вдохновения; — твой брат... он счастлив, он не в плену, радуясь: он убит за спасение России» (VI, 213). Стоит только представить себе после этого возвращение Рославлева, чтобы понять, что в произведении Пушкина это было невозможно. Правда действительности заставляла Пушкина именно так рисовать судьбу своих героев. Если предположить, что Пушкин имел в виду изобразить настоящую гибель Рославлева, то закономерно, что повествование обрывается сообщением о гибели героя.

Что было бы с Полиной далее? Гибель Рославлева снимает ту коллизию, которая существует в романе Загоскина. Возможен ли такой вариант окончания, который предложил М. Гельфанд: «Легко сообразить, что именно из полного нравственного одиночества Полины в русской среде Пушкин собирался вывести в дальнейшем ее сближение с единственно достойным ее Синекуром».¹⁹ Думается, что и такое продолжение вряд ли было возможно, вряд ли Пушкин взялся бы дальше корректировать Загоскина, потому что в этом не было внутренней необходимости: он исчерпывающе ответил на все поставленные им вопросы. Полемическая цель была достигнута полностью. И пусть нам неизвестно, при каких обстоятельствах Полина стала «тенью», то, что она стала «тенью», было более чем уважительной причиной для того, чтобы защитить ее, показать в истинном свете ее душу, действительные стимулы всего ее поведения.

Возникает сомнение: если произведение Пушкина было в основном внутренне завершено автором, почему же в таком случае он опубликовал в «Современнике» его не полностью? Но ведь то, что было опубликовано, и названо не «Рославлев», а «Отрывок из неизданных записок дамы». «Отрывок» имел относительную законченность и самостоятельный интерес, связанный с показом взаимоотношений Полины и мадам де Сталь. Ставился и решался общий вопрос об отношении к французской культуре и просвещению, полемически заостренный против великорусского шовинизма. Как известно, некоторыми французскими читателями этот отрывок, напечатанный без подписи автора, с пометой «с французского», был принят за под-

¹⁷ С. М. Петров. Исторический роман А. С. Пушкина, стр. 94.

¹⁸ В рукописи после слов, которыми обычно заканчивается печатный текст повести, сохранилась запись; ее предположительно можно прочесть так: «Фельд-егерь едет...» Все это рукою Пушкина решительно зачеркнуто. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, ф. 244, оп. 1, № 841.

¹⁹ «Литература и марксизм», 1930, кн. 4—5, стр. 89.

линные мемуары. Б. В. Томашевский цитирует Поля Готье, который в книге «Madame de Stäel et Napoleon» (Paris, 1903) ссылается на эти мемуары.²⁰

Следует иметь в виду еще одно обстоятельство: написанное Пушкиным не только соответствует тем пунктам плана, которые набросал писатель в ходе работы, но значительно выходит за его пределы (последний пункт плана: «Мы едем из Москвы»).²¹ Набросок плана был сделан уже после того, как значительная часть произведения была написана.

Все эти соображения приводят к выводу: хотя, быть может, рука автора и поправила бы еще кое-что в тексте, и в том виде, в каком дошло до нас это произведение в рукописи, оно имеет внутреннюю законченность — и в обрисовке характеров, и в развитии сюжета. Пушкин ответил на все поставленные им вопросы и сделал это по-настоящему жизненно и художественно мотивированно. Заслуга Пушкина состояла в том, что в своем произведении он восстановил истину и справедливость, сумев дать глубокое изображение русской жизни в период Отечественной войны 1812 года, дал объективное раскрытие характеров, в противовес субъективно-романтическому изображению Загоскина, и все это в предельно сжатой, максимально сконцентрированной художественной форме, столь характерной для него как писателя.

²⁰ Б. Томашевский. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824—1837). Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 143.

²¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VIII₂, стр. 752. См. также: Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, ф. 244, оп. 1, № 841, л. 70.